

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

ПОВЕСТЬ О МАСТЕРЕ ЮСТЕСЕ

ЗОНА СВОБОДЫ

Олег Волховский

Зона свободы. Повесть о Мастере Юстесе

<https://litres.ru/74075929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анджей — агент, работающий на либертарианско-садистскую автократию, в которой свобода доведена до предела: рабство стало добровольным договором, а власть над другим человеком — обычным порядком вещей. Однажды ночью его привозят к всесильному и смертельно больному Мастеру Юстесу, который собрал десять кандидатов, чтобы выбрать из них преемника. Условие Игры одно: за любую ошибку платишь жизнью — и не только своей, но и тех, кто тебе принадлежит, включая женщину, которую Анджей только что встретил и полюбил.

Содержание

1. Хельга	4
2. Анджей Лещинский	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Волховский

Зона свободы. Повесть о Мастере Юстесе

1. Хельга

Иду по Арбату в направлении клуба «Расщепленный бамбук». Клуб, мягко говоря, не дешевый, но зато администрация гарантирует безопасность, по крайней мере, в плане эпидемиологическом. Я и сама месяц сдавала анализы, чтобы получить клубную карточку.

Через всю улицу висит плакат: «Наслаждайтесь!» Прямо напротив входа — памятник маркизу де Саду. Французский философ изображен молодым и обаятельным аристократом со шпагой на боку и тросточкой в руке. Я повернулась к нему той частью тела, которую он предпочитал в женщинах, и поднялась по лестнице к дверям клуба.

Предъявила охране карточку и прошла в холл.

Тихо журчат струи фонтана,пряно пахнут цветы в античных вазах, и сияет мрамор пола. Справа от меня торгуют всякой всячиной: плагами, вагинальными шариками, фаллоимитаторами, книгами о приятном и здоровом сексе и «особых развлечениях», а также, конечно, как и везде, «Филосо-

фией в будуаре» с комментариями Мастера Юстеса.

За прилавком сидит симпатичный юноша, служитель клуба.

— Плаг поставить не желаете? — с улыбкой интересуется он.

— Нет уж! Это мы проходили. Тогда я кончу через пять минут с первым попавшимся кретином.

— У нас очень качественный товар, — соглашается продавец.

— Дайте парочку в упаковочке, — говорю я.

Парень предложил штук десять на выбор. Я не стала долго копаться, взяла два коротких и прямых с мелкими выступами.

— Не хотите заняться сексом? — вежливо спросил он.

Я задумалась. Парень, конечно, симпатичный, как все служители. Но не более того. Да, он доставит удовольствие, они это умеют. Но мне хочется чего-нибудь эдакого, неожиданного. К тому же я несколько на мели, а служителю придется платить. Гораздо приятнее найти просто посетителя и развлечься задарма. А, если повезет, немного и подзаработать. Правда, как правило, удовольствие обратно пропорционально заработку. А как знаменитой гетере мне все равно никто не заплатит. Стоит ли размениваться на гроши?

Пока я размышляла на эту тему, за моей спиной прозвучали шаги. Я обернулась.

Стеклянные двери впустили молодого человека в кожаной

куртке. Он подошел к противоположной палатке со служительницей клуба, но ничего не купил, и поднялся по ступеням к огромному, во всю стену, окну в сад. Там и остановился, словно собрался кого-то ждать.

Молодой человек заметил мой взгляд и обворожительно улыбнулся.

— Нет. Не с вами, — бросила я служителю и зашагала к человеку в кожаной куртке.

Зарботок здесь явно не светил. Такие мужики бабам не платят, те сами им подносят все от ужина до наследства и бывают счастливы, если принял. «Главное не потерять голову!» — сказала я себе. Он еще отошьет десять раз! Хотя, я же его не в бой-френды приглашаю!

— Ждете кого-нибудь? — с улыбкой спросила я.

— Вас, — невозмутимо ответил он.

— Какое совпадение! Я тоже вас искала. Пойдемте!

Я взяла его за руку и потянула налево в раскрашенную розовым, голубым и светло-зеленым часть клуба.

Не сдвинулся с места.

— Нет, девушка. Нам во-он туда!

Он показывал направо, в сторону темно-красного и черного.

Мне стало не по себе.

— Неужели ни разу не пробовали? — спросил он.

— Нет, ни разу.

— Так давно пора. Большая девочка. Да вы не бойтесь!

Мы же не в Свободной Зоне — мы в хорошем клубе с доброй репутацией, в Зоне Закона. Если вам что-то не понравится — тут же меня остановите. Да вам уже нравится!

Он погладил меня по бедрам, обтянутым белыми шелковыми брюками.

— И зачем на вас столько надето?

— Ладно. Ведите!

И мы повернули направо.

Идем по темному коридору со сводчатым потолком, освещенному свечами. Не иначе подвал средневекового замка! По обе стороны от коридора — ходы и ниши. В нишах, иногда закрытых занавесками, иногда нет, что-то происходит, но из-за слабого освещения невозможно разглядеть подробности. Зато слышны крики и стоны.

— Может, вернемся?

— Да не бойтесь вы!

Коридор кончился, и под сводом высветилась надпись: «Сад боли и наслаждения». За стеклянными дверьми были видны деревья.

Двери разъехались в стороны — мы вышли в сад. Свежий ветер пахнул в лицо и донес крик.

— Это что ад? — спросила я.

— Это рай!

Он взял меня за руку и потянул за собой.

Деревья растут довольно густо, но справа от нас, вдали, на поляне, я увидела девушку, привязанную к дереву. Слышны

звуки кнута, ветер пахнет то ли свечами, то ли горячей плотью.

— Вы и меня привяжете к дереву?

— Неплохая мысль.

Вырываю руку.

— Счастливо оставаться!

И тут что-то грохнуло. Он повалил меня на землю. Я решила было сопротивляться, но загремело еще.

Пихнул меня под каменную ограду дорожки, и сам залег рядом.

— Лежите! Не шевелитесь!

Извлек из-за пояса пистолет и щелкнул предохранителем.

— Здесь же Зона Закона! — прошептала я.

— Помолчите! Если они стреляют — я тоже имею полное моральное право выстрелить.

Выстрелы повторяются. Над нами облетает несколько личинок. С поляны, где привязана девушка, раздался крик.

И тогда он ответил: хлопнуло так, что у меня заложило уши.

— А теперь пошли! Пригнитесь!

Пробежали метров десять, и снова раздался выстрел. Он пихнул меня под скамью, и начал отстреливаться. До входа в следующий павильон осталось шагов пять.

— Ну, давайте! Добежим!

Бросились к дверям и еле успели вжаться в стену, когда они осыпались за нами стеклянным дождем.

— Сюда!

Он потянул меня в боковой коридор.

— Здесь должна быть станция пневмометро. Быстрее!

Мы промчались еще полкилометра и миновали штук пять поворотов, когда я почти задыхаясь, плюхнулась в кабину. Мой спутник вывел капсулу в туннель, и нас подхватил поток воздуха. Навстречу с бешеной скоростью понеслись огни, укрепленные на стенах, и слились в единую сияющую полосу.

Туннель загибался вправо и вниз, когда мы снова услышали выстрелы.

— Ах, мать! — воскликнул мой спаситель. — Нашли сволочи!

Опять достал пистолет, но на этот раз медлил.

— Они же преследуют вас! Да? — закричала я. — Почему вы меня за собой тащите?

— Потому что они разбираться не будут, девочка!

Впереди засияла красная надпись: «Свободная Зона», а рядом зеленый указатель со стрелкой направо и такой же зеленой надписью: «Зона Закона».

— Нам направо! — заорала я.

— Нет, милая, нам налево!

И мы влетели прямо под пылающие алые буквы.

Первой моей мыслью было, что он теперь имеет полное право меня изнасиловать, второй, что убить. Но первое меня, честно говоря, не особенно огорчало, поскольку я тщет-

но ждала этого уже час, а во второе я не верила (зачем тогда надо было меня спасать?) Зато теперь и преследователи могли нас убить, и любой полицейский, узнав об этом, только и сказал бы «они в своем праве, у нас нет к ним претензий». Но вышло иначе.

Мой спутник довольно улыбнулся и сказал:

— Ну, наконец-то я могу их снять.

Обернулся, поднял пистолет и выстрелил ровно дважды. После этого уже никто не стрелял, только грохотала позади капсула, потерпевшая крушение.

Мы свернули в боковой туннель, и капсула замедлила ход и поплыла в потоках теплого воздуха.

— Ох! — вздохнула я. — Вы меня до смерти напугали!

— Хотите сказать, что не получили удовольствия?

Я опешила от такого наглого предположения и промолчала.

Тогда он отложил пистолет и расстегнул мне брюки, залез рукой в трусики.

— Это она не получила удовольствия! Врунья!

Потянул брюки вниз.

— И кто делает такую узкую одежду! Эх! И ножа нет.

И тогда позади снова слышались выстрелы.

— А, блин! — выругался он. — Видно нам сегодня так и не дадут развлечься как добропорядочным гражданам!

Взял пистолет и нажал на педаль скорости.

Летим по бесконечным туннелям мимо узких полос огней

под грохот выстрелов за спиною. Мой спутник отстреливается, но вот впереди засияла зеленая надпись: «Зона Закона». За нею мы резко свернули налево и выплыли к станции.

— Вылезай! — скомандовал он. — Надеюсь, сюда они не сунутся. Это не те, первые, это другие. Здесь рядом пост полиции.

Мы поднялись наверх и вынырнули в город, действительно, рядом с полицейским постом. Служители Закона сидят в стеклянной будке метрах в трех над мостовой. Над постом горит фонарь, освещая улицу.

— Ну, наконец-то мы в безопасности.

Мой спутник прижал меня к стене и стянул-таки брюки.

— Кстати, а как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Хельга.

— Очень приятно, Анджей.

Чуть приподнял меня и насадил на свой нефритовый жезл, пользуясь терминологией, принятой в «Расщепленном бамбуке».

Я обняла его за шею и застонала. Он так и держал меня на весу, слегка покачивая, пока мне не стало совсем хорошо.

Наконец мы разомкнули объятия вполне довольные друг другом.

— Ты классная девчонка, Хельга, — сказал он. — Поедем ко мне.

— Ну-у...

— Тебе, что не понравилось?

— В конце понравилось, — призналась я. — Но можно было обойтись без полуторачасовой прелюдии со стрельбой.

— Ну, уж не обессудь, я этого не планировал. Поедем, поедем! Что ты здесь будешь мотаться по ночному городу, да еще рядом со Свободной Зоной! Они же вылезают оттуда иногда.

— Ну, ладно.

— Отлично! Хотя чаем меня напоишь, а то у меня раб нерадивый, пишет, небось.

— У тебя есть раб?

— Угу! По полной программе, с полной передачей прав. Пойдем к полисменам, мне надо уладить еще одно дело.

— А что он пишет?

— Картины. Художник он.

Мы поднялись в «аквариум» к полицейским.

— Приветствую служителей закона! — сказал Анджей. — Дело такое. Мы с Хельгой сейчас из Свободной Зоны. Я там убил двоих и, кажется, одного ранил. Я хочу подтвердить свое право, на случай, если мои враги перетащат трупы и попытаются утверждать, что я стрелял в Зоне Закона.

Полицейский повыше и потолще кивнул.

— Сейчас сделаем. Садитесь, пожалуйста.

Его более тощий напарник уселся за компьютер.

— Где вы вошли в Зону и примерно, в какое время?

— В районе Семеновской, в пневмометро, думаю, около десяти. Восточная Свободная Зона.

Тоший набрал что-то на клавиатуре. На мониторе появилась картинка, потом еще одна и, наконец, выплыла наша с Анджеем фотография в капсуле пневмометра. Я с отвращением посмотрела на свои расширенные от ужаса глаза и искаженное страхом лицо.

— Так, вход в Зону в двадцать один пятьдесят. Номер ворот — пятнадцатый. Да. Ну, когда вышли, мы видели.

Он внес в память и эту информацию. Появилась наша фотография, сделанная на последней станции.

— Где примерно произошло убийство?

— Практически сразу после входа в Зону.

— Ага! Нашел.

На экране стал раскручиваться фильм о наших приключениях: улетающая капсула и капсула преследователей.

— Ого! За вами гнались! Ну, тогда вообще без вопросов! Вы вдвойне в своем праве.

— Всегда лучше подтвердить право, — заметил Анджей.

— Это конечно! Приятно иметь дело с законопослушным гражданином! Все! Все готово. Сейчас сделаем копию.

— Там была еще одна капсула. Посмотрите дальше.

— Да, есть. Но они не пострадали.

— Жаль.

— Ну, уж ничем не можем помочь. Возьмите!

Полисмен выдал Анджею два лазерных диска.

— Здесь запись. Одну копию оставьте себе, другую отдайте вашему доверенному лицу. Хотя вряд ли к вам будут

претензии. Еще одну копию мы отправили в банк данных.

— Спасибо.

— Рады были послужить. Вам спасибо за приятное зрелище.

Полисмен указал взглядом на место под фонарем, где мы с Анджеем занимались любовью.

— А это! — рассмеялся он. — Всегда рады. Пойдем, Хельга!

Свободные Зоны явились следствием последовательного проведения в жизнь философии маркиза де Сада. Как считал великий француз, каждый должен иметь право самореализоваться и получить от жизни долю кайфа.

И если человек получает оный кайф от убийств, краж или грабежей, он тоже не должен быть обделен. Сложность заключалась в том, как совместить право на убийство и воровство с правом мирных обывателей наслаждаться жизнью и имуществом.

Последнее, впрочем, не особенно волновало теоретика эпохи Просвещения, поскольку де Сад делил людей на Юпитеров и их жертвы, и обыватели, как правило, попадали в последнюю категорию.

Но Мастер Юстес был практиком, к тому же любящим порядок, и как практик понимал, что даже Юпитера можно задавить достаточно большим числом быков. А потому заботился о правах меньшинств.

Пусть есть люди, ненавидящие запах роз, которым вос-

хищаются восемьдесят процентов населения. Да, для них нет лучшего удовольствия, чем выкорчевывать ненавистные цветы и погружать их в грязь.

Пожалуйста! Но не в чужих садах, а в специально отведенных для этого местах. Так возникли Свободные Зоны. Это основной способ реализовать право на убийство, хотя и не единственный.

Анджей жил в районе Коломенской, в одной из продуваемых всеми ветрами башен на берегу Москвы-реки. Мы поднялись на семнадцатый этаж и позвонили.

Дверь открыл щуплый молодой человек с пышной гривой каштановых волос, одетый в замызганную рубашку и джинсы с пятнами краски. Богема! На лбу написано. Крупными красными буквами. И продублировано на всех частях тела.

Человек опустился на колени, совершил земной поклон и произнес:

— Здравствуйте, господин!

— Привет, Венька. Пойди чаю поставь.

— Это твой раб? — поинтересовалась я.

— Угу, Венька. По совместительству знаменитый художник Венедикт Трифоновский. Заходи!

Садимся за стол в гостиной, ждём чай. Комната обставлена в стиле модерн с некоторыми восточными закидонами. Интерес к востоку выдает катана на стене, пара китайских пейзажей по обе стороны от нее и статуя Будды на телевизоре.

— Извини за нескромный вопрос... — начала я. — Ты буддист?

— Да. Не зря же я здесь поселился. Монастырь в двух шагах. Честно говоря, я не часто бываю в храме. Но все равно ломы ехать на другой конец Москвы. Нас же мало. Имеем право на один монастырь и три храма. Индуистам и то легче. Вон они на ходынке какой комплекс отгрохали!

— Но один, — улыбнулась я. — Все же хорошо, что Мастер Юстес отошел от принципов маркиза де Сада и не стал насаждать атеизм. Не люблю пустого неба!

Честно говоря, у Великого Француза были на сей счет и очень разумные соображения. Всякая религия рождает фанатизм, а он более чем опасен. Поэтому лучше запретить все религии. Террористов меньше будет.

Хотя... Загнанная вглубь болезнь опаснее. Так и до гангрены довести можно.

— Маркиз де Сад был глубоко верующим человеком, — заметил Анджей.

— Более того, он был экспериментатором от религии. Зачем запихивать облатки в задний проход или плевать на распятие, если эти символы для вас ничего не значат? Нет! Он жаждал молнии с небес, как полного и окончательного доказательства бытия Божия.

— Угу! Еще матросы-анархисты любили плевать в небо. Молний не стяжали, зато плевки эффективно возвращались обратно. И далась маркизу эта молния! А Венсенн? А Басти-

лия? А Шарантон? Думаю, Господь сказал ему на последнем суде: «Ну, я ж тебя сажал и туда, и туда, и туда, думал, покаешься. Делать мне больше нечего, как метать молнии в каждого богохульника!»

Между прочим, идея абсолютно равного отношения ко всем религиям тоже принадлежит Великому Французу. Все же Мастер Юстес смог подняться над своим православием и принять эту идею. А иначе, какой бы он был садист?

Хотя это не единственное отступление от классического садизма в Кодексе Юстеса. Я припомнила университетский курс юриспруденции... Сразу бросалось в глаза иное отношение к смертной казни. Как известно де Сад был противником оной, а у Юстеса она считается одной из семи форм законного убийства.

Пришел чай. То есть Венедикт поставил перед нами чашки, налил туда кипятку и сунул пакетики «Дилмы». Я подумала, что для того, чтобы пить чай из пакетиков не надо иметь раба.

— Веня, ты работал? — почти ласково спросил мой новый знакомый.

— Нет, что вы, господин. Поздно. При электрическом освещении, какая работа!

Анджей кивнул.

— Да, конечно. Тогда переоденься и дуй в магазин. Купи для дамы чего-нибудь сладкого.

— Слушаюсь, господин.

Анджей достал бумажник и выдал ему банкноту.

— Не заблудись. Магазин «двадцать четыре часа» у метро. Все понял?

— Да, господин.

— Это я так, — сказал Анджей, когда он ушел. — Венька — очень хороший раб. Я им доволен.

Я выразительно посмотрела на истекающий коричневым соком чайный пакетик у меня на блюде.

— Да, — согласился Анджей. — Чай заваривать не умеет, готовить тоже. Полы моет из рук вон плохо, посуду бьет. Зато за его картины я такие бабки загребаю, что это все сущая ерунда. Я бы давно слугу нанял, но так не хочется вводить в дом чужого человека... Да, тяжело в наше время с одним рабом...

— Больше нет претендентов?

— Ну, да! Этого добра хватает. Но абы кого брать не хочется. Моим рабом стать не так-то просто. Знаешь, я бы хотел, как мастер Юстес с гордостью сказать: «У меня нет недостойных рабов».

Я мысленно, ну просто так, примерила на себя шкуру рабыни Анджея. Я, конечно, не знаменитость. Всего лишь высшее юридическое. И готовить не так чтобы очень люблю. Хотя, если привлечь Венедикта в качестве подсобной рабочей силы и осуществлять общее руководство на кухне — это меня не слишком обременит. Но при мысли о передаче прав, тем более полной, у меня, признаться, по позвоночнику про-

бежал холодок. Для этого меня надо очень впечатлить. Впрочем, Анджею, это, пожалуй, удалось. Хотя, я о нем почти ничего не знаю.

Мой знакомый смотрит на меня с многозначительной улыбкой. Словно знает, о чем я думаю. Но мастерская этика запрещает склонять к передаче прав. Должна быть инициатива снизу. Он, конечно, ничего не скажет.

— Хорошо иметь достойных рабов, — заметила я. — Можно больше ничего не делать.

— Вовсе нет, — усмехнулся он. — У бездельников достойные рабы не заводятся. Не беспокойтесь, я не только Венькиными картинами торгую. У меня есть еще одна работа...

Я с интересом ждала продолжения, но оно меня разочаровало.

— В свое время узнаете, — сказал он.

Часа в два ночи меня разбудил телефонный звонок. Я с трудом разодрала веки и приподняла голову.

— Да, буду! — сказал Анджей в трубку совершенно бодрым голосом, словно и не спал.

Я залюбовалась в свете ночника его обнаженным тренированным телом, но долго наслаждаться он мне не дал, поскольку накинул рубашку, чистую, дорогую и явно свежвыглаженную.

— Ты что на прием? — сонно спросила я.

Он усмехнулся.

— Да вроде того. Ты завтра занята?

— Завтра суббота.

— Тогда дождись меня, ладно. Будь, как дома. Венька тебе все покажет.

Я зевнула.

— Хорошо.

Часов в шесть я услышала возню в студии Венедикта, но значения не придала и завалилась спать дальше.

Около десяти меня разбудил солнечный луч, обосновавшийся рядом, на подушке, и начавший захватывать соседнюю территорию, коей являлась моя физиономия.

Из Венькиной мастерской доносится некая мелодия, свидетельствующая о полном отсутствии у исполнителя музыкального слуха.

Лениво одеваюсь и иду на звук.

— Доброе утро!

Венедикт стоит у мольберта и напевает эту самую несообразность. Рядом на столике, вместе с красками, кистями и иным непонятным мне хламом стоят три пустых кофейных чашечки, и лежит обнаженный уполовиненный батон с боком, испачканным в зеленой краске, нож и отчаянно тающее масло на развернутой фольге.

— Доброе утро, госпожа! — сказал Венедикт и сдержанно поклонился.

Бухаться на колени, как перед Анджеем, не стал. Не своя же госпожа — просто абстрактная, и госпожа только потому,

что знакомая господина.

— Я не помешала?

— Да нет. У меня тут как раз затык. Не идет что-то. Надо кофе выпить. Пойдемте!

Идет к двери, начисто забыв про грязные чашки, масло и хлеб.

— А это? — спросила я.

— Посуда? Да там еще есть.

Я вздохнула, поставила две чашки одну на другую и подхватила третью.

— Возьмите хоть остальное!

— Что вы! Что вы! — воскликнул Венедикт. — Ко мне нельзя на «вы»! Я же раб.

Вздохнула еще раз.

Хлеб, масло и нож он, однако, взял и, придя на кухню, кучей вывалил на стол. Я с отвращением посмотрела на зеленый бок батона.

— А еще хлеб есть?

Венедикт наморщил лоб. Мой вопрос для него явно слишком труден.

— А-а! — наконец сообразил он. — Можно в холодильнике посмотреть.

Посмотрели: там царит девственная чистота, нарушаемая только остатками вчерашнего торта, подобного одинокой горе посреди пустыни.

Я извлекла торт. Вздохнула в третий раз и отрезала от

хлеба зеленую корку. Сделала бутерброды себе и Венедикту. Посуду мыть не стала (на что здесь, в конце концов, раб?). В витрине кухонного гарнитура обнаружилось еще полтора кофейных сервиза.

— Садись, Веня, — сказала я. — Кофе налить?

— Что вы, госпожа, я сам! А то, куда же это годится!

Я порадовалась тому, что у Веньки, наконец, проснулась рабская совесть и принялась за завтрак.

Кофе растворимый, но и я, честно говоря, нормального не варю. Хуже я переношу отсутствие молока. Ладно, и это переживем!

— Веня, а кем работает твой господин? — спрашиваю я.

— Я не могу сказать...

— Не знаешь?

Отводит глаза.

— Не могу сказать! Его работа связана со Свободными Зонами.

— Грабежом подрабатывает? Или убийствами по найму?

— Н-н-ет! Не думаю. Ему бы это не понравилось. Скорее наоборот.

— Жертвой? — улыбаюсь я. — И какой с этого доход?

— Нет, не жертвой! — смотрит умоляюще. — Поймите же, я не хочу потерять расположение господина оттого, что сболтнул лишнего!

— Ладно, — опечалилась я. — Все, тема закрыта.

Но любопытство мое только разгорелось. Я подумала, что

лучший способ добиться чего-то от творческого человека — это похвалить его произведения.

— А в какой манере вы пишете? — поинтересовалась я.

Он дико обрадовался, что тема действительно сменилась, да еще в таком правильном направлении, и гордо заявил:

— У меня своя манера!

— Вы авангардист, сюрреалист, примитивист? Кто еще бывает?

— Еще бывает море-окиян! Пойдемте, сами увидите! Не мое дело меня классифицировать!

И он потащил меня в мастерскую.

Больше всего я боялась увидеть нечто написанное грязно-серыми красками и начисто лишенное энергетики. Но картины Венедикта не имеют ничего общего с этим убожеством, по недоразумению именуемым современным искусством. Он напоминает сразу четырех моих любимых художников: Босха, Ренуара, Ван Гога и Дали, но отличается, куда меньшим реализмом, чем любой из них. Его картины эротичны и вполне понятны. Они повествуют о связи боли, наслаждения и стремления к запредельному. Боль переплавляется в неземную радость и несется в высь к престолу Всевышнего. В этом драйв.

Еще какой! От Венькиных картин тащит.

— Здорово! — сказала я.

— Вам, правда, понравилось? Я, к сожалению, не имею права ими распоряжаться, но обязательно попрошу господи-

на что-нибудь вам подарить.

— Ты никогда не жалел, что передал права?

— Нет, что вы! Я стал тем, что я есть, только после этого. Если бы я распоряжался своими картинами, я бы думал, как написать так, чтобы купили. А теперь меня господин кормит. И вроде пока голодом не морил. И никогда не наказывает, если вдруг новая картина не продается. Если чашку разбил — это сразу, а за неудачную работу — никогда. Хотя всегда скажет, если не нравится. У него отличный вкус. Говорит, надо бы тебя выпороть, но обойдемся, потому что тогда ты будешь бояться писать. Господин Лещинский замечательный!

Я отметила про себя, что наконец услышала фамилию моего нового знакомого.

Венедикт блаженно улыбнулся.

— А послезавтра у меня открытие персональной выставки!

Тут я поняла, что он у меня в руках, его надо поздравить и брать тепленьким — все расскажет.

Но ни поздравить, ни расспросить я не успела, потому что раздался звонок в дверь.

— Господин! — обрадовался Венька и поспешил к двери.

Я тоже вышла в коридор, надеясь, что это Анджей.

— Кто там? — спросил художник, прильнув к глазку.

— Это квартира Анджея Лещинского?

— Да. Но его нет дома.

— Читайте! — раздалось за дверью.

— Понятия не имею, что вы там показываете!

— Это Служба Охраны Свободы!

— Э-хе-хе, СОС и есть SOS, — вздохнул Венедикт и оглянулся на меня.

Я пожала плечами.

— Я здесь только гость.

— С нами гвардия Юстеса! — раздалось за дверью.

— Неужели вся? — усмехнулась я.

— Немедленно откройте! — орали СОСовцы.

Венька беспомощно смотрел на меня.

— Веня, у меня слишком мало информации для того, чтобы принять решение.

Он чуть не застонал, словно процесс принятия решений причинял ему физическую боль. Брать на себя ответственность он не умел ни в малейшей степени.

— Ладно, открывай, — сказала я. — По-моему, у нас нет другого выхода.

Венька облегченно вздохнул и открыл дверь.

В квартиру ворвались штук десять гвардейцев в черных комбинезонах и с автоматами. Встали по обе стороны от двери, заглянули в комнаты, оккупировали коридор. Вслед за ними возник лохотенный мужчина лет сорока и предъявил удостоверение. Действительно, СОС. Полковник Стеценко. Полковник? Кто такой Анджей? Он что наследный принц, чтобы его полковник арестовывал? Или террорист мирового масштаба?

— Предъявите документы! — приказал полковник.

Протянула паспорт.

— Так, госпожа Берг, кем вы приходитесь Лещинскому?

— Никем. Просто знакомая.

— Ладно, просто знакомая, разберемся. Ваш паспорт пока останется у нас.

Я попыталась припомнить из университетского курса, не является ли это нарушением моих гражданских прав, но так и не вспомнила ничего подходящего.

— А где второй? — спросил господин Стеценко.

— Здесь он! — ответил гвардеец, дежуривший возле двери в студию.

Из мастерской показалась вихрастая голова Веньки.

— Я сейчас, сейчас! Он вечно заваливается куда-то! Сейчас найду!

Полковник подошел к двери.

— Что вы ищите?

— Как что? Паспорт.

— Имя! Фамилия! — гаркнул Стеценко.

Венедикт поднялся на ноги и растерянно посмотрел на него.

— Венедикт Трифоновский...

— Кем вам приходится Лещинский?

— Господином.

— Понятно. Передача прав нотариально оформлена?

— Конечно.

— Где документы?

— На меня?

— А на кого же?

— У господина. То есть, наверное, где-то здесь, но я не знаю, где он их хранит. Может быть, в своем кабинете.

Вдруг его лицо просияло.

— Вот он!

Венька бросился на пол и поймал зеленый хвостик паспорта, прочно погребенного под грудой разнообразного хлама. Хлам дрогнул и рассыпался по полу в радиусе полутора метров.

Художник, как ни в чем не бывало, протянул раскопанный документ полковнику.

— Пожалуйста!

На первой странице, над именем и фамилией, стояла похожая на клеймо черная печать «Собственность Анджея Лещинского».

Полковник не стал смотреть дальше и опустил Венькин паспорт в ту же папочку, что и мой.

Кабинет Анджея перевернули вверх дном, но документы на Веньку нашли. Стеценко сунул ему в нос Договор о передаче прав.

— Это?

— Да.

— Все, ребята! — бросил Стеценко гвардейцам. — Поехали! — обернулся ко мне и Веньке, — Вы поедите с нами.

Везут куда-то за город по пижонскому шоссе, окруженному пижонскими особняками. В особенно пижонском месте сворачиваем на боковую дорогу, она ведёт в тупик, который упирается во что-то и вовсе грандиозное, окруженное километровым кирпичным забором с частыми глазами видеонаблюдения. За забором, впрочем, не угадывается ничего, кроме леса.

Ворота охраняют те же черные гвардейцы. Полковник предъявил пропуск, и ворота отъехали в стороны. Еще минут пять едем по лесу, пока перед нами не вырастает здоровый особняк, построенный во французском стиле времен Великого Маркиза.

Я гадаю, кто же такой Анджей. Судя по тому, что мы встретились в дорогом клубе, а также здоровой и неплохо обставленной квартире в приличном месте, он как бы не беден. Но на VIP-персону явно не тянет.

— Чей это особняк? — попыталась я спросить у охранника, но он только вежливо улыбнулся.

Провели нас не в подземную тюрьму (чего я, признаться, ожидала), а в шикарные апартаменты. Однако заперли на ключ.

От скуки и безысходности я включила телевизор: идут новости.

— Возвращаемся к главной теме нашего выпуска. Причины взрыва на Коломенской набережной пока не установлены. По последним сведениям, полностью разрушены две квар-

тиры на семнадцатом этаже. Взрыв произошел около половины двенадцатого...

Смотрю на часы: пять минут первого.

На экране появляется картинка. Башня на набережной очень похожая на ту, где жил Анджей. Где-то на середине выжжены несколько окон.

И тут я слышу стон.

— Мои картины! — Венедикт уронил голову на руки и бьет кулаками по столу.

— Ты уверен? — спросила я. — Там же три таких дома. Застонал снова.

— Я пять лет там живу!

И тут до меня дошло, что взрыв произошел минут через десять после нашего отъезда. Мне стало нехорошо. Я подумала об успокоительном. В первую очередь, конечно, для Вени, но и мне бы не помешало.

— Успокойся! Сейчас я что-нибудь придумаю. У тебя ведь послезавтра выставка?

— Какая теперь выставка!

— Но ведь большинство картин наверняка там?

— Большинство, но не лучшие, — он всхлипнул. — Лучшие были у Анджея.

— Ладно, подожди.

Аптечки я не обнаружила, зато в соседней комнате имеется бар с набором вин и кое-чего покрепче. Я решила, что эффективность сейчас важнее изысканности, но до баналь-

ной водки не унизилась и плеснула себе коньяку «Гастон». Чуть не закашлялась.

Ничаво! Пили и перцовку!

Однако полегчало. Налила рюмку Веньке.

Сидит с видом побитой собаки и отрешенно смотрит вдаль.

— Выпей! — приказала я. — Лекарство.

Скривился.

— Коньяк?

— Он самый. Давай пей!

Он вздохнул, но выпил, закашлявшись, как школьник на выпускном балу, впервые отведавший спиртное.

По телевизору показывают какую-то демонстрацию. Люди с факелами, хоругвями и крестами медленно текут по Тверской.

— Традиционалисты, — бесцветным голосом прокомментировал Венька.

В объектив телекамеры попал лозунг «Наслаждайтесь = грешите!», и за ним «Долой рабство!» В обычном состоянии я бы прошла по этим идиотикам, но сейчас я не в форме. Мне требуется, по крайней мере, часа два, чтобы прийти в себя.

Два часа нам предоставили. Даже больше. Наконец, двери апартаментов открылись, впусав двоих гвардейцев, которые встали по сторонам от входа. Третий ввез сервировочный столик с обедом, выдававшим пристрастие хозяина к

украинской кухне.

Я подумала, что последний либо традиционалист, либо оригинал. С такими деньгами можно питаться одними устрицами.

Я попыталась спросить у гвардейцев, кто же хозяин дома, но снова напоролась на ту же вежливую улыбку.

После обеда доблестные воины удалились и не показывались до ужина. К этому времени я, наконец, успокоилась, поскольку решила, что если нас собрались убивать — незачем было кормить галушками.

Около половины одиннадцатого я услышала звук ключа, поворачиваемого в замке. Убавила звук телевизора и прошептала:

— Веня, слышишь?

Он поднял голову.

Дверь открылась, и в комнату вошел Анджей: чудовищно бледен, но улыбается, в глазах — искорки азарта. Словно его посадили на трон, одновременно сообщив, что под ним находится бочка с порохом.

— Здравствуйте, дорогие мои!

И в эту минуту я вдруг поняла, что никогда его не покину.

Венька просиял, вскочил с места, бросился перед ним на колени, схватил за руку и прижал ее к губам. На руке у Анджея сиял незнакомый мне серебряный браслет.

— Господин! — прошептал художник.

Я оказалась посдержаннее. Просто подошла и повисла у

него на шее.

— Ну, живы, слава Богу! — сказал Анджей.

— Что случилось? Где мы? — спросила я.

— Ладно, все по порядку. Боюсь, что вас сюда доставили не совсем по своей воле и не слишком куртуазно. Увы, не я руководил операцией. Но вас надо было срочно увести с Коломенской. Думаю, понимаете, почему.

— Это гвардейцы Юстеса устроили взрыв?

— Вряд ли. Практически исключено.

— СОС?

— Почему ты склонна обвинять в терроризме тех, кто тебя спас?

— Я пожалала плечами. Тогда кто же?

— В этом деле замешены еще, по крайней мере, две силы. Мы с Веней вопросительно посмотрели на него.

— Традиционалисты и группировки Свободных Зон. Возможно, есть еще.

— И все по нашу душу? — ужаснулась я.

— В том числе и по вашу, — усмехнулся он. — Хотя, прежде всего по мою. Чтобы добраться до меня, вас могли захватить в заложники, или вы могли попасть под удар, мне предназначенный, как чуть было не произошло. Поэтому наш гостеприимный хозяин приказал эвакуировать мою семью в безопасное место. Хельга... Не знаю, как ты расцениваешь то, что тебя причислили к моей семье, но ты была со мною в последние сутки, и тебя тоже могли похитить, не

разобравшись.

— Неплохо расцениваю, — сказала я. — По крайней мере, я сижу на мягком диване, а не валяюсь где-нибудь в реанимации с девяностопроцентными ожогами или, хуже того, в морге. Кстати, а кто наш гостеприимный хозяин?

Анджей улыбнулся той самой улыбкой приговоренного короля, которая так напугала и одновременно покорила меня, когда он вошел.

— Прошу встать! Мы имеем честь быть гостями Мастера Юстеса!

— Мать! — сказал Венька, пока я ловила падавшую на грудь челюсть. И это был первый раз, когда я услышала от него что-то похожее на брань.

— Анджей! — воскликнула я. — На кой хрен мы Великому Мастеру? Ты сам-то хоть что-нибудь понимаешь? Кто ты, в конце концов?

Он усмехнулся.

— Радуйся, на последний вопрос я теперь могу ответить. Это больше не государственная тайна. Сегодня ночью я назначен одним из помощников Великого Мастера. Курирую несколько министерств. Блок слабенький, культура (не иначе из-за Веньки), но и с этого можно начинать.

— Ни хрена себе! — сказал Венька, и это был второй и последний раз, когда он ругался. Я же просто открыла рот.

Анджей позвонил по телефону и заказал зеленый чай. Я повнимательнее присмотрелась к привезшему заказ гвардей-

цу. Часть гвардии Юстеса состоит из его личных рабов. Всего таковых около тысячи.

Говорят, Великий Мастер каждый день получает сотни писем с предложениями о передаче прав. Сам он их, конечно, не просматривает, на то есть секретари. К нему на стол попадает малая толика резюме желающих, из которых он отсеивает еще девяносто процентов.

Но есть и счастливчики, которые добиваются своего. Счастье, правда, сомнительное. Юстес слывет крутым господином. Его рабы хоть и живут как у Христа за пазухой, но только пока не вызывают недовольства Мастера. Провинившихся он наказывает, используя в личных целях весь арсенал средств, предоставляемых государственной машиной, вплоть до различных методов казней.

Гвардеец, доставивший чай в наши апартаменты, ошейника не носит. Что еще ни о чем не говорит. Венька тоже ошейника не носит. Я обратила внимание на руки вошедшего. Да, конечно! На безымянном пальце правой руки — железное кольцо со вторым маленьким кольцом вместо камня, сделанным, словно для того, чтобы пропустить туда веревку. Рабское кольцо!

— Раб, — сказала я Анджею, когда он ушел.

— Кто гвардеец? Конечно раб. В особняке работают исключительно рабы Великого Мастера.

— Слушай, а ты ему, часом, права не передал? — спросила я.

— Ну что ты! Я же за Веньку отвечаю.

У меня в голове всплыл соответствующий абзац Кодекса: «Каждый совершеннолетний гражданин обладает полным и безраздельным правом на свое тело и свою душу. Он может частично или полностью передать это право другому лицу в случае, если не связан ответственностью перед третьими лицами. Частичная передача прав (без передачи права на жизнь и имущество) в некоторых случаях допускается и при наличии ответственности». «Некоторые случаи» были прописаны в отдельном параграфе. Его я помнила плохо.

— Есть частичная передача, — сказала я.

— Нет, Хельга, успокойся, не было передачи. Министры обычно прав не передают. Им нужно уметь принимать самостоятельные решения... Ладно, хватит трепаться! Давайте чай пить. Хельга, вруби-ка ящик погромче.

Я увеличила звук телевизора. Идут полуночные новости. Показывают ту же демонстрацию традиционалистов, которой мы с Венькой уже имели несчастье полюбоваться утром.

Анджей поморщился.

— Терпеть не могу лицемеров, делящих эндорфины на плохие и хорошие. И то эндорфины, и то эндорфины! Поститесь, молитесь, добивайтесь экстаза и умиления — и получайте свою долю кайфа. Кто вам мешает? Но не мешайте и другим получать удовольствие так, как хотят они. Рабство им не нравится! Между прочим, в православии тоже есть форма передачи прав. Называется «духовное наставни-

чество». Когда один человек становится «духовным сыном» другого, и «духовный отец» все за него решает. Только это не оформляют юридически. А зря!

— Угу! — сказала я. — Когда реальность не совпадает с юридическим статусом — это вообще опасно, причем для обеих сторон, и для господина, и для подопечного. С раба по-прежнему спрашивают, как со свободного человека, хотя по закону за него бы уже должен нести ответственность господин, а мастер рискует попасть под суд, если рабу не понравится наложенное наказание. Был прецедент лет пятнадцать назад. Мастер Юстес пытался заставить оформлять духовное наставничество (причем во всех конфессиях) как передачу прав. Кое-кто даже послушался, но, к сожалению, это не превратилось в систему.

— Хельга, ты юрист? — спросил Анджей.

— Да. Очень заметно?

— Угу, — он задумался. — У тебя полезная профессия. А ты, Венька, что об этом думаешь? — и он кивнул в экран.

Венедикт сидит у ног Анджея и попивает чай.

— Я думаю, что не всем нужна свобода. Есть люди, которым она, как камень на шее. Если ты из них, найди как честный человек себе господина и передай права, но на права других не покушайся и не призывай к крестовому походу за всеобщее рабство.

— У тебя умный раб, Анджей, — заметила я.

— Других не держим, — гордо улыбнулся он.

2. Анджей Лещинский

В ту ночь Хельга впервые осталась у меня. Часа в два нас разбудил звонок.

Звонил мой шеф по Службе Охраны Свободы, сотрудником которой я являлся, и срочно вызывал к себе.

— Да, буду! — сказал я.

Несмотря на поздний час, мой начальник в своем кабинете. Рядом с ним — трое вооруженных до зубов вояк в черном с литерами «U» на рукавах. Гвардия Юстеса. Интересно, что они здесь делают?

Шеф кивнул в мою сторону:

— Это он. Забирайте!

Я замер у противоположного конца длинного стола и восторженно посмотрел на шефа. Тот только развел руками.

Ко мне подошел гвардеец с командирскими нашивками и рабским кольцом на пальце и протянул сложенную вдвое бумагу.

— Читайте!

Бумага гербовая, с водяными знаками. Я развернул.

Приказ

Человек по имени Анджей Лещинский должен быть немедленно доставлен ко мне.

Всякое оказанное им сопротивление будет рассматриваться как государственная измена.

Великий Мастер: Юстес

Я впервые видел личную подпись Мастера Юстеса. Китайцы в таких случаях падают на колени и целуют императорскую печать. От лобзания я воздержался, однако не по себе стало. Что ж я такого натворил? Вспомнилась только пара выстрелов в Зоне Закона. Но тогда почему не полиция? Как агент СОС я пользуюсь, конечно, некоторой неприкосновенностью. Но тогда почему не внутренняя полиция СОС? Почему не дисциплинарная комиссия? Причем здесь гвардия Юстеса? На кой хер я Великому Мастеру?

— Ну? — спросил командир гвардейцев. — Вы подчиняетесь или мне вызвать подкрепление?

— Разумеется, подчиняюсь.

— Сдайте оружие!

Я нехотя отдал пистолет.

— Руки за спину! Вперед!

Загородная резиденция Великого Мастера. Около половины четвертого. Час перед рассветом. Также, руки за спиной, поднимаюсь по ступеням особняка во французском стиле. Меня отводят на второй этаж, вталкивают в ярко освещенный зал. Зажмуриваюсь после полутьмы коридора.

— Расслабьтесь, можете опустить руки, — сказал голос, бывший когда-то красивым, но теперь испорченный старческой хрипотцой. Этот голос знают все.

Я повернул голову. Во главе круглого стола сидит высокий подтянутый старик с абсолютно седыми волосами. Ма-

стер Юстес. За столом — несколько молодых людей примерно моего возраста. Одно кресло пустует.

— Садитесь, Анджей. Это ваше место.

Я подчиняюсь.

— Ну что ж, можно начинать! — говорит Великий Мастер.

Выкладывает на стол связку серебристых браслетов, отдает гвардейцу.

— Наденьте, пожалуйста, это, — обращается к нам.

Раздают браслеты. Беру, надеваю на правую руку. Наверное, какое-то устройство связи. Если бы я хотя бы догадывался, что это!

Браслет состоит из звеньев и плотно облегает запястье, словно вторая кожа. Я посмотрел на остальных. Их девять. Все кроме одного надели браслеты так же как я, ничтоже сумняшися, и только один до сих пор вертит в руках.

Когда надо запомнить сразу много новых людей, лучше всего давать им прозвища, чтобы они вызывали знакомые ассоциации. Этого я окрестил «Питон». Скромняга с длинным носом и взглядом змеи. Зверь, атакующий из засады.

— Владимир, без вас не начнем, — усмехнулся Великий Мастер.

Питон, наконец, решился и надел браслет.словно в воду бросился с вышки метров в двадцать... или в огонь. Уже через пару минут я его понял.

Пока Юстес держит паузу, я изучаю остальных. Слева от

меня сидит крупный парень, косая сажень в плечах: «Илья Муромец». Дальше — писанный красавец с аристократическими манерами. Будешь «Октавиан». За ним — молодой человек с орлиным носом и острыми глазами. «Сирано».

По правую руку от Юстеса — плакатный мальчик с тренированным телом — «Спортсмен». По левую — подвижный коротышка с цепкий и властным взглядом — «Наполеон».

Следующий — Питон. Потом — лысеющий молодой человек с остатками светлых волос. На губах — улыбка, не сулящая ничего хорошего. «Яйцеголовый».

Затем — подтянутый мужчина, спокойный и сдержанный. Что-то едва уловимое то ли в манерах, то ли в одежде заставляет заподозрить в нем военного. Фантазия начинает иссякать, и я оставляю его без прозвища.

И, наконец, справа от меня — персонаж, очень напоминавший Илью Муромца, но с несколько хохляцким национальным колоритом. Черные усы, полное круглое лицо, жесткий взгляд черных глаз. «Гетман». Эх! Записать бы! Почему бы и нет? Я полез за записной книжкой.

Но записать ничего не успел, потому что Мастер Юстес продолжил.

— Через минуту вы узнаете, зачем я вас пригласил, но прежде мне бы хотелось представить вас друг другу. Записывайте, записывайте, Анджей! Возможно, вам понадобится эта информация. Итак, вам всем около тридцати или чуть более лет, и вы довольно успешные молодые люди с высоким

образованием и коэффициентом интеллекта.

Но когда компьютер выбирал вас из моря претендентов, он руководствовался, не только этими критериями. Скажем, меня волновала еще харизма и степень доминантности, и я приказал отсекал всех, у кого нет рабов. Даже после этого вас осталось более ста.

Тогда была проведена серия тестов. Они, вероятно, доставили вам несколько неприятных минут, но вы все прошли их с честью. Остальные, увы, провалили экзамен. И, наконец, в последний момент отсеялись еще двое ваших собратьев, оказавших сопротивление при аресте. Мне не нужны те, кто паникует и делает глупости. Итак. Слева направо.

Слева от меня выпускник истфака МГУ Эдуард Евсеев, далее — Владимир Адамович, Высшая Школа СОС...

Он представлял, а я записывал. В конце концов, у меня в записной книжке возникла следующая таблица:

Наполеон — Эдуард Евсеев, истфак МГУ;

Питон — Владимир Адамович, Высшая Школа СОС;

Яйцеголовый (нет, лучше Физик) — Алексей Шишкин, ФИЗТЕХ;

По поводу физика Юстес заметил, что ему вряд ли будет сложнее, чем нам, несмотря на техническое образование, поскольку, как говаривал великий Ландау, тот, кто выучил квантовую механику, может выучить все, что угодно.

— По себе знаю, — улыбнулся Юстес и представил следующего. Подтянутый мужчина оказался выпускником Во-

енной Академии, и я, наконец, придумал ему кличку: «Полковник».

Полковник — Святослав Бахтин, Военная Академия;

Гетман — Федор Неверов, Институт Стран Азии и Африки (никогда бы не подумал!);

Илья Муромец — Илья (и, правда, Илья!) Летов, Высшая Школа СОС (еще один однокашник!);

Октавиан — Игорь Гардин, МГИМО (Ага! Знаю такой «Гарда-банк». Папочка?);

Сирано — Сергей Галицкий, Юрфак МГУ;

Спортсмен — Александр Панов, МГИМО.

Десять. Ну, и десятый — я. Десять негрятят.

— Итак, о цели нашей встречи, — продолжил Юстес. — Дело в том, что я смертельно болен. Господа эскулапы обещают, что полгода у меня есть, однако стоит отнестись к этому критически. Я хочу уйти в трезвом уме и твердой памяти и сам выбрать час смерти, а не тянуть до конца. А поэтому надо рассчитывать месяца на три.

Из вас я выберу себе преемника, но вы должны вникнуть в суть дела и показать себя в работе. Я поручу каждому из вас определенную сферу деятельности. Потом вы поменяетесь. У вас будут помощники и консультанты, но вы должны самостоятельно принимать решения и не совершать грубых ошибок.

Я понимаю, что вы пока неопытны и мелкие просчеты постараюсь прощать, но одна грубая ошибка — и вы выбываете

из Игры. Увы, Игра у нас серьезная. И я не могу оставить в живых тех, кто знает так много...

Он сделал паузу и медленно обвел нас взглядом. Я старался держать себя в руках, но, видимо, здорово побледнел.

Он усмехнулся.

— Взгляните на ваши браслеты. В каждом из них спрятана микрокапсула с ядом. Если я сочту вас недостойными продолжать работу — капсула активизируется, из браслета выйдет игла, и вам будет сделана смертельная инъекция.

Снять браслеты можно одним единственным способом — отрубив себе руку. Очень не советую этого делать. В каждом браслете есть датчик, который тут же заметит отсутствие хозяина и передаст соответствующий сигнал. Тогда мои люди найдут вас, где бы вы ни были, и сделают то, что не удалось яду. К тому же результату приведет порча браслета.

Кроме того, мне не хотелось бы, чтобы вы убивали друг друга, поскольку окончательный выбор я хочу оставить за собой. Если убийца будет уличен — он выйдет из Игры. Надеюсь, не надо пояснять, каким образом. В час моей смерти я активизирую все браслеты, кроме одного. В живых останется только мой приемник. Я не хочу, чтобы после моей смерти вы делили между собой страну, а потому остальные умрут. У вас один шанс из десяти, господа. По-моему, совсем неплохо. Но я не собираюсь принуждать вас участвовать в Игре. Это жесткая игра. Вы еще можете отказаться. Тогда этот эпизод будет стерт из вашей памяти. Я жду.

Он сложил руки перед собой и замолчал.

Я оглядел коллег по несчастью (или неслыханной удаче?)

и дополнил свою таблицу:

Наполеон — азарт. В рулетку не играл интересно? Особенно в русскую?

Питон — охотничий азарт. Опасный мужик!

Физик — полное спокойствие. Однако!

Полковник — колебания. И хочется и колется!

Гетман — раздумья.

Илья Муромец — русский авось. Где наша не пропадала!

Октавиан — самоуверенность. Уж я-то прорвусь!

Сирано — поборемся!

Спортсмен — страх.

Самыми слабыми соперниками мне показались Спортсмен и Октавиан. Первый, понятно, — испугался, второй — слишком высокомерен. Не верю в красавчиков. Они слишком убеждены в том, что могут выехать на одной харизме. А иногда и поработать невредно. К слабым я с некоторыми колебаниями отнес и Илью Муромца — этот будет переть напролом. Сильная группа: Питон и Сирано. Возможно, Наполеон и Гетман. Физик — темная лошадка. Полковник — болото. Но все это — только первое впечатление. Я могу и ошибаться.

Наконец заговорил Спортсмен.

— Великий Мастер, я отказываюсь.

Юстес кивнул.

— Хорошо.

Подал гвардейцу какую-то распечатку.

— Разбейте список на девять частей вместо десяти. Подождите пять минут, ребята.

Через пять минут нам объявили списки курируемых министерств.

— Все, господа, вы свободны, — сказал Юстес. — Спасибо за внимание.

Мы встали, и только Спортсмен остался сидеть.

— А это, Великий Мастер? — он поднял руку с браслетом.

— Да, да, конечно, — сказал Юстес.

Я уже ждал, что браслет разомкнется и упадет, но произошло совсем иное. Спортсмен застонал и упал на стол. Плечи вздрогнули и замерли.

— Он не был борцом, — сказал Великий Мастер. — Увы! Сама информация об Игре тоже есть государственная тайна, а в эти штучки со стиранием памяти я не особенно верю. Так как-то надежнее. Вы убедились в серьезности моих намерений, господа?

Вопрос риторический. Мы убедились.

Ко мне приставили консультанта, который тут же усадил меня за компьютер здесь же, в особняке Юстеса, и начал вводить в курс дела. Консультанта по культуре звали Аркадий Толченков. Только в десять вечера я позволил себе оторваться от работы и попросил Аркадия заказать ужин. Мозги ки-

пели.

Под чай мы расслабились и включили телевизор. Тогда я и узнал о взрыве.

— Что с вами? — воскликнул Аркадий, заметив, как я побледнел.

— Мне надо позвонить.

Мое новое положение позволяло мне напрямую связываться с Юстесом.

— Прошу прощения за беспокойство, Великий Мастер, — как можно спокойнее сказал я. — Я только что узнал о взрыве на Коломенской. Что с моим рабом и моей гостьей?

— Так она всего лишь гостья? Ее забрали вместе с вашим подопечным. Живы. Здоровы. Через две комнаты от вас. Можете навестить. Ключи у охраны. Вам выдадут. Завтра вы переезжаете в отдельный дом с охраной и прислугой. Здесь рядом. Ваших людей возьмете с собой.

— Спасибо...

— Есть еще вопросы?

— Взрыв — дело рук ваших людей?

— Нет.

— Тогда чьи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.